

Е.Н. Ивахненко

Образование, наука и религия в русском Просвещении: в поисках компромисса (часть 1)

В статье предпринимается попытка проанализировать поиски синтеза образования, религии и науки в русском Просвещении XVIII в. Текст статьи подразделяется на две части. В первой части показано влияние секуляризации и государственной опеки образования и науки, а также феномен «наукизации» русского Просвещения. Во второй (в следующем выпуске Вестника) будут показаны скрытые траектории, по которым постепенно перестраивались научный и религиозный дискурсы русского века Просвещения.

Ключевые слова: реформа образования, русское Просвещение, эклектизм, наукизация.

С чем мы имеем дело, когда обращаемся к истории идей прошедших столетий? Ведь мы отделены от описываемых событий XVIII в. более чем двухвековой толщей времени. В этом случае исследователь не располагает какими-либо прямыми свидетельствами зарождения, протекания и столкновения идейных течений того времени. Иначе говоря, при всей изощренности методологических инструментов, будь то «модель охватывающего закона» или герменевтика, мы не располагаем непосредственным доступом к реальному (живому) историческому опыту людей прошлого. Опыт всегда предмет настоящего, так как «опыт прошлого исключен самим значением слова *опыт*»¹. Тем не менее данное обстоятельство – политическое, идейного, религиозного, – в котором разворачива-

---

© Ивахненко Е.Н., 2017

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-36-00026).

лись события прошлого. Причем такая реконструкция не может быть оторвана от опыта переживания настоящего и находится в определенной логической связи с ним, связи – важной и значимой для самого исследователя и его современников. При этом тот, кто берется за решение подобной задачи, располагает лишь текстовой презентацией объекта своего исследования – документами, трактатами, их критикой, опять-таки в прошлом и настоящем. Таким образом, жанр описания того, как формировался общий идейный план научных, религиозных и образовательных сюжетов в русском Просвещении XVIII в., к которому прибегает автор статьи, можно назвать исторической реконструкцией, когда настоящее принимает участие в «пересборке» событий прошлого.

Чтобы данный подход не превратился в своего рода «авторский схематизм» и не обернулся отражением самого автора в зеркале его собственных абстрактных понятий и определений, необходимо избежать двух крайностей. Во-первых, – отказаться от предзаданного набора умозрительных схем, не связанных с содержанием изучаемой культурной традиции, во-вторых, – исключить сплошное оперирование иллюстративным материалом, способным «потопить» всякую логику в безбрежном море цитат и эмпирических свидетельств. Социально-философское исследование, обращенное в прошлое, в идеале должно представлять процесс, в котором движение «родовых» для данной культуры понятий доводится до доступного нам, современникам, *понятия* о развитии самой культуры.

О проблемах формирования и становления российской науки и образования в «Петербургский век» русского Просвещения написано множество текстов. Посильное участие в этом принял и автор настоящей статьи². И все же, чем больше открываются перед нами проблемные вопросы нашего времени, тем больше у нас причин обращаться к идейным столкновениям и взаимодействиям XVIII столетия. В данном случае в центр переклички с XVIII в. русской истории ставятся отношения образования, науки и религии.

В первую очередь необходимо подчеркнуть то, что уже с начала Петровских преобразований мероприятия власти выстроились вокруг главенствующего принципа, который заключался в первенстве интереса государства и плотной всесторонней опеки с его стороны всех сторон общественной жизни. Особое значение в этой связи приобретает установление доминантной опеки правительством Петра. Оно происходило одновременно в трех сферах: в государственном законодательстве, церковной реформе и образовании.

В общем виде картина представляется следующим образом. Из общественной жизни постепенно, шаг за шагом начинает вытесняться влияние церкви и церковного духовенства. В течение первой половины XVIII столетия в Россию привносятся разнородные (бытовые, технические, политические, философские и др.) элементы западной культуры, на этом фоне во второй половине XVIII в. возникает феномен русской дворянской культуры, и в итоге появляются собственные философско-просветительские направления мысли. Доминанта всесторонней государственной опеки задает иерархический порядок для основных идейных течений времени: вольтерьянства, масонства, либерализма и политического радикализма. В общем виде события (в виде своего рода кода) могут быть представлены семантикой парных отношений: «польза – всеядность»; «порядок – классификация». «Всеядность» в области социально-философской и естественнонаучной мысли порождает эклектизм, а доминантное стремление к всеобъемлющей классификации подводит к поиску метафизических принципов, на основе которых эта классификация могла бы осуществляться. Постепенно, к концу столетия, осуществляется институализация рационалистического направления русской мысли. Таковую мы обнаруживаем в журнальных статьях, трактатах, проектах и записках к Уложению и других многочисленных источниках. Так в общих чертах осуществлялось «коловоротное» умственное движение русского Просвещения. Однако в исторических «складках» времени и событий, в деталях всегда таится то ценное для исследователя, что не усматривается через оптики общих законов и схем, отсылающих нас к «развитию мира в целом».

В начале XVIII в. русская церковь оказалась в весьма неустойчивом положении. К началу столетия во владении епископов и монастырей были не только земли, но и целые торговые слободы. Имела место традиционная продажа церковных должностей, а также передача их по наследству. Нередки были случаи, когда один священник владел двумя церквями, одной правил сам, другую сдавал в аренду. В первую очередь правительство Петра поставило собственные меркантилистские интересы над церковными.

В идейном плане на рубеже XVII–XVIII вв. ситуация также изменилась кардинально. Деятельность «латынщиков», приглашенных еще ко двору Алексея Михайловича, была осуждена и пресечена при патриархе Иоакиме (1621–1690). Сильвестр Медведев, самый образованный и даровитый ученик Симеона Полоцкого, был заклеен в одной из глав иоакимовского «Остена» с красноречивым названием «О расстриге, бывшем монахе Сильвестре

Медведеве, вводившем ересь латинскую в великороссийский народ». В допетровское время накал борьбы со «зломудренной латинской ересью» в русской церкви был таков, что даже высокое на тот момент положение Медведева не спасало от откровенной брани в его адрес:

Сенька Медведев... подобно Арию, злоковарен бо бе от юности возраста, и многоречив, и остроглаолив, и любоприв... язык же неприлично блядушь³.

Сильвестр Медведев был казнен в 1691 г. уже при правлении Петра по обвинению в участии в заговоре царевны Софьи. Но торжествовать победу последователям Иоакима пришлось недолго. Молодой царь, вопреки ожиданиям церковных иерархов, представлявших старомосковскую партию, взял курс на преемство европейских новшеств. Петр, возвратившись из своих поездок по европейским странам, стал открыто поддерживать «все заграничное». Вместо предполагаемого расширения полномочий и своего традиционного влияния в деле духовного «окормления», церкви пришлось принять унижительную для нее роль послушного слуги светской власти. Теперь вся ее деятельность должна была проходить под неусыпным оком государства. Поскольку власть, в отличие от предшествующего периода, уже не нуждалась в сакральной поддержке, она могла позволить себе вести наступление во всех направлениях, где ее интересы расходились с интересами церкви.

В этих условиях внутри русского православия стало формироваться более строгое системное богословие. Это – линия академического богословия и линия развития традиционной афонской апофатики. На первый план выдвинулась проблема качественного богословского образования, образцом которого в то время служила Киево-Могилянская коллегия. В этой связи в Регламенте предусматривалось введение в обучение семинаристов не только специальных предметов (схоластики, гомилетики и т. д.), но и общеобразовательных – арифметики, геометрии, физики и т. д.⁴

О непоследовательности секуляризации в эпоху Петровских преобразований можно судить по вменению обязательного преподавания «Закона Божьего» во всех светских школах. Однако, в сравнении с Россией XVII в., в самом понимании веры, а также места религиозных институтов в государстве, произошли качественные изменения. Уже в первой половине XVIII в. под старорусскую веру, через духовное образование, хотя и непоследовательно, стал подводиться рациональный фундамент. Частичную реализацию

этой попытки следует отнести к богословскому образованию наиболее подготовленной в теоретическом отношении части духовенства. Кроме того, не следует забывать, что церковная организация в XVIII в. продолжала оставаться важной стороной русской действительности. В первой половине столетия в России насчитывалось 5000 монастырей и свыше 12 000 церквей, значительная часть которых были приходскими. К тому же через сеть церковных учреждений в России того времени распространялись «полезные регулы»: в приходах оглашались царские указы и другие распоряжения властей⁵.

Доминанта государственной опеки отчетливо проявилась и в реформе образования светского. Так, к уже существовавшей Московской славяно-греко-латинской академии (1687)⁶ добавилась Петербургская академия наук (1724), а в 1755 открыт Московский университет. Примечательно, к примеру, то, что переводческой деятельностью было поручено заниматься Синоду, однако приоритет в выборе книг был отдан светскому направлению. Всего при Петре I было переведено и опубликовано 15 книг по естественным наукам, 30 – по военной части и несколько книг по праву и законодательству⁷. Посылая очередную книгу в Синод, Петр препровождает ее следующим письмом:

Посылаю книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской, но требую, чтобы первый токмо (о должности) переведен был, понеже в другом (о вере) не чаю к пользе нужда быть⁸.

Неудивительно, что церковная культура была существенно потеснена. Она потеряла свое традиционное свойство проникновения во все капилляры русской жизни. Набожность, библейско-аллегорическая витиеватость как способ оформления мысли и печатного слова – все это за каких-то 20–30 лет стало непопулярным в высшем, прежде всего – петербургском, обществе.

Появившаяся в XVIII в. возможность социальной мобильности дворянского сословия существенно повлияла на весь последующий характер его духовного творчества. Большую роль в усилении роли дворянства сыграли и такие факторы, как материальная независимость, а также дарованные ему законодательством свободы, которые не замедлили проявиться в сфере науки и философии. Особое значение в этой связи имел Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» (18 февраля 1762 г.).

Организация отечественной науки XVIII в. также включала в себя первенство государственной пользы. Это обстоятельство изначально определяло несколько факторов: социальное положение ученых⁹, структуру вновь создаваемого научного сообщества, издательское дело¹⁰ и др. Сам способ организации научной работы в России ставил преподавателя в положение государственного чиновника, проводника государственной идеологии. Ему приходилось «кормиться» за счет преподавания «школьной» философии. В этих условиях проявлять самостоятельность в выборе философских, и тем более политических убеждений и исследовательских приоритетов означало демонстрировать свою неблагонадежность. Подтверждением тому служит распространившийся печальный опыт удаления из университетов «вольномыслящих» преподавателей (А. Галич и др.). Очевидно, что распространение идей французского Просвещения в России стало возможным только в условиях создания «пустых» пространств, образованных в результате беспрецедентного «выдавливающего» воздействия секулярной доминанты на традиционную церковную культуру. «Философия французского Просвещения, – отмечает Т. Артемьева, – заняла в этом перечне место духовно-идеологического компонента, который должен был заполнить пустое пространство, образовавшееся вследствие секуляризации духовной жизни»¹¹. Потенциал светской духовной жизни и образованности русского общества еще не был настолько развит, чтобы подвергнуть систематическому изучению весь корпус европейской науки и философии. Философские идеи, к примеру, рассматривались в общем контексте столичного интереса к французской литературе и моде. Их усвоение сопровождалось элементами экзотики и утопизма.

Интересно в этой связи рассмотреть обстоятельней тексты, в которых русская ученость разворачивается в сторону метафизики и естествознания. В.Н. Татищев создает своего рода теоретическую конструкцию «всемирного умопросвящения». Ум, согласно его воззрениям, вовсе не является вместе с волей неизменным свойством души, как это традиционно считалось. Чтобы ум над волею властвовал «яко царь», его нужно «прилежать», то есть образовывать. В науке успех возможен только через установление широкой сети образовательных учреждений. «Человеку нужно век жить, век и учиться», – заключает Татищев¹². Но точно так же, через личность («микрокосмос»), он рассматривает развитие всего человечества. Младенчество – это время «до обретения письма», юность – с «пришествия и учения Христова», зрелый возраст – «обретения – тиснения книг»¹³. Так, популярная тема

европейского Просвещения получает свою специфическую интерпретацию в России.

Еще одной страницей в истории русского Просвещения являлось масонство. Привнесенное с Запада религиозно-теософическое направление нашло свое место в раскладе политических и идейных сил России и сыграло в ее духовном развитии вполне определенную роль. Оно оказало заметное влияние на развитие литературы, журналистики, благотворительности, а также на распространение идей о достоинстве человеческой личности.

Своего рода результирующее впечатление от всей Петровской эпохи оставляет «Книга о скудости и богатстве» (1724) Ивана Посошкова. Примечательно, что в 1752 г. М.В. Ломоносов велел переписать «Книгу», и на основании этой «ломоносовской копии» сочинение Посошкова было впервые полностью издано в 1937 г. «Книга» имеет особое значение для характеристики общего понимания того ценностного сдвига, который произошел за два с половиной десятилетия реформаторской работы власти. В общем виде И. Посошков подает предложения по улучшению экономического управления государством. Автор экономического трактата отмечает ограниченность тех представлений о государственной пользе, которыми руководствуются фискальные службы. Их задача – получение прибыли любыми средствами, даже в ущерб развитию самого производства (работа «прибыльщиков» сводилась к тому, с чего и как взять, и возможно больше взять). По цельности и глубине предложений, содержащихся в первом русском экономическом трактате, можно судить и о переменах в рациональных интерпретациях самого понятия «польза» для общества. Но если Посошков в понятие «пользы» еще включал и религиозный смысл, то Татищев уже определяет исключительно светское понимание «полезности» и «нужности», схожее по типу с образцами западноевропейского утилитаризма. Это хорошо демонстрируется в разделении наук в его «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733). К примеру, заимствование слов («без нужды») из чужих языков Татищев считает явлениям вредным. Но он в то же время не призывает к полному ограждению языка от заимствований. «Полезно брать те слова, которые поступают с «науками философскими и вещьми»¹⁴. После Татищева представление о «пользе» наук и языка науки углублялось Г. Тепловым¹⁵, систематизировалось Я. Козельским и другими русскими интеллектуалами того времени.

Производным от идеи «порядка» следует считать понятие «эклетики». Сами русские мыслители называли себя «эклетиками». В это слово тогда не вкладывался тот негативный смысл, кото-

рым часто оперируют современники¹⁶. Понятие «эклектики», применительно к эпохе Просвещения, гораздо ближе к его исходному смыслу (от греч. ἐκλεκτός – избранный), а вовсе не «хаотический способ изложения сведений о предмете». «Эклектика» неизбежна и правомерна на начальной, аналитической стадии исследования. Дидро в «Великой французской энциклопедии» охарактеризовал «эклектика» как философа, который «решительно отбрасывает предрассудки... и отваживается думать самостоятельно»¹⁷. В интерпретации русских просветителей «эклектизм» есть собрание всего лучшего, созданного на данный период времени, – «избирающее, что во всех писателях твердейше доказано» (В. Третьяковский).

М. Ломоносов в своих «Заметках к Системе всей физики» и «Микрологии» (1763–1764) набрасывает план единого гармоничного мироздания, в котором «все связано единою силою и согласованием природы»¹⁸. Он четко разделяет знание, опосредованное отношением к Богу и Природе.

Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, ежели он думает, что по Псалтыре научиться можно астрономии или химии¹⁹.

Интересна в этой связи позиция другого русского мыслителя, Я. Козельского, принадлежавшего, как и М. Ломоносов, к «естественно-научникам». Предпринятый им подход к систематизации во многом аналогичен ломоносовскому принципу классификации материи. Систематизация наук, по Козельскому, должна осуществляться по объекту, а не по качествам ума. В «Философических предложениях» (1768), главном своем сочинении, Я. Козельский предпринимает попытку классификации всех известных к тому времени научных направлений²⁰. Таким образом, к началу XIX в. в качестве исходных оснований в трактатах «естественнонаучников» стали использоваться данные практического опыта – эмпирические факты, добытые в условиях чувственной достоверности. Профессор Московского университета М. Панкевич называл практику «конечной причиной всякой теории», а теорию – «кладом практики»²¹.

С иных позиций подходят к систематизации знаний Н. Озерцовский и А. Теряев. В основу своего принципа классификации они закладывают теологический (и телеологический) принцип стремления «всего в мире» к совершенным формам²². Характерным примером умозрительного направления русской метафизики может служить трактат А. Белосельского-Белозерского «Дианио-

логия, или Философская схема мышления» (1790). Написанный на французском трактат был издан в Дрездене в 1790 г. Кант, прочитав «Дианиологию», в письме автору назвал ее «драгоценным подарком» и «глубокомысленным сочинением»²³.

И все-таки, в чем проявлялась специфика собственно российской рецепции европейской науки в первой половине XVIII в.? С нашей точки зрения такую специфику можно обозначить словом «наукизация». Используя этот термин, мы стремимся обозначить исходно подражательный характер, неполноту, частичность, вынужденную избирательность рецепции науки. Кроме того, термин «наукизация» более точно указывает на отсутствие автономного профессионального круга ученых, а также на существующий дефицит собственных наличных возможностей (научного языка, интеллектуальной традиции, отечественных ученых и т. д.) для системного и полновесного усвоения научных достижений Западной Европы того времени²⁴.

К концу столетия, по мере возрастания знаний, возникла потребность в новых «принципах классификации» и, как следствие, в новых метафизических конструктах и построениях русской мысли. Ф. Политковский в конце XVIII в. констатирует ситуацию, когда «знания природы» возросли до «необъятной почти обширности»²⁵. Такая ситуация сама по себе уже стимулирует поиск «скрепляющих принципов», без которых невозможна аккумуляция научного знания и опыта. Примечательно то, что во второй половине XVIII в. (в отличие от времен Петровских преобразований) духовный опыт русских интеллектуалов, естественнонаучный и религиозный, уже демонстрирует своего рода соработничество в мировоззренческом усвоении европейской науки и в последующей ее рецепции российским образованием.

Результаты века русского Просвещения далеко не во всем оправдывали ожидания властей и общества, а в некоторых своих проявлениях они оказались прямо противоположны первичным их устремлениям. Доминанта секуляризма только открывала путь для потока научных знаний, определяла общие условия и возможности их проникновения в мир европейской образованности и культуры. Однако эти достижения европейской науки так бы и остались «наукизацией» на русской почве, если бы не состоялась «перековка» ментального слоя новой генерации ученых. Условия и возможности такой «перековки» определялись уже не внешними действиями власти, а внутренне сложившимся компромиссом научных и религиозных воззрений русских интеллектуалов. Об этом пойдет речь во второй части статьи.

- ¹ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 378.
- ² См.: Ивахненко Е.Н. Наука и религия в русском Просвещении: от столкновения и конфликта к компромиссу и взаимодействию // Ценностный дискурс в науках и теологии. М., 2009. С. 300–320.
- ³ О расстриге, бывшем монахе Сильвестре Медведеве, введившем ересь латинскую в великороссийский народ // Там же. С. 74–75.
- ⁴ См.: Прокопович Феофан. Регламент, или Устав духовных коллегий... // Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. (Приложения). М., 1994. С. 61–168.
- ⁵ См.: Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Ч. II. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как сановники церкви // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 150–293.
- ⁶ См.: Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 255–422; Панибратцев А.В. Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997.
- ⁷ Шапов А.П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России // Шапов А.П. Соч.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 503–504.
- ⁸ Цит. по: Уланов В.Я. Культурная реформа Петровской эпохи // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник. М., 1913. Т. 4. С. 291.
- ⁹ См.: Фундаминский М.И. Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура в России XVIII века. Л., 1984. С. 52–72.
- ¹⁰ См.: Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных // Ломоносов М.В. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 200.
- ¹¹ Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII в. СПб., 1996. С. 28.
- ¹² Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах // Татищев В.Н. Избр. произв. Л., 1979. С. 68.
- ¹³ Там же. С. 70, 78.
- ¹⁴ Там же. С. 96–97.
- ¹⁵ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. СПб., 1751. С. 133.
- ¹⁶ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 789.
- ¹⁷ Дидро Д. Эклектизм. Осадная башня штурмующих небо // Дидро Д. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии. XVIII в. Л., 1980. С. 61–62.
- ¹⁸ Ломоносов М.В. [Заметки к Системе всей физики и «Микрологии»] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 491.
- ¹⁹ Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской Академии наук мая 26 дня 1761 года // Там же. Т. 4. С. 379.
- ²⁰ Козельский Я.П. Философские предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.: В 2 т. Т. I. М., 1952. С. 411–551.

- ²¹ *Панкевич М.И.* Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного. Ч. II. М., 1820. С. 286.
- ²² *Озерцовский Н.Я.* Начальные основания естественной истории: В 2 т. СПб., 1791; *Теряев А.* Размышления о природе, или Рассуждение о телах вообще. СПб., 1802.
- ²³ *Гулыга А.* Кант. М., 1981. С. 284–286.
- ²⁴ См.: *Филатов В.П.* Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 35.
- ²⁵ *Политковский Ф.Г.* Слово о связи Истории Натуральной с Физикою, Химию и Врачебным искусством // Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета. М., 1796. С. 286.